

УДК 94 (47). 083. 084. 3

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ МЕЖДУ КОММУНИСТАМИ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

© А.П. Шекшеев

Данная статья посвящена освещению борьбы за власть между коммунистами-назначенцами и сепаратистами на завершающем этапе Гражданской войны. Автор на примере Минусинского уезда Енисейской губернии рассказывает о мерах губернского партийно-советского руководства по усилению власти в провинции, сопротивлению этому диктату со стороны бывших партизан, а также последствиях этого явления.

Ил. 5. Библиогр. 80 назв.

Ключевые слова: деревня, заговоры, инородцы, казаки, коммунисты, контрреволюционные организации, красноармейцы, крестьяне, милиционеры, назначенцы, отряды, партизаны, повстанчество, сепаратисты, советская власть.

A POLITICAL STRUGGLE BETWEEN COMUNISTS AND A CENTRALIZATION OF COMUNIST-SOVIET DIRECTION IN THE SOUTH OF YENISEISKAYA GUBERNIA IN EARLY 1920-s

A.P. Sheksheev

This paper is devoted to history of political struggle between communists appointed by Central Government and separatists in the Final Stage of Civil War. Based on the data of Minusinsky uезд of Yeniseiskaya gubernia author describes the efforts of province communist-soviet government to reinforce the power and a resistance getting by former partisans as well as the results of this conflict.

5 figures. 80 sources.

Keywords: village, conspiracy, non-Russians, Kazaks, communists, counter revolution organizations, Red Army soldiers, peasants, militiamen, appointees, military troops, partisans, separatists, Soviet power.

Проблема целей, характера и методов формирования административно-командной системы в Сибири начала 1920-х гг., взаимоотношений центральных и региональных властных структур, а также сибирского и губернского руководства РКП(б) уже изучалась историками [68; 78]. Так, один из них пришел к выводу, что сибирские органы, сконструированные путем назначения специальных лиц, были созданы для максимальной мобилизации людских и материальных ресурсов Сибири в общегосударственных интересах, другой же показал номенклатурный характер отбора элиты, обрекший ее и партию на дальнейшее медленное вырождение.

Данные исследователи первыми начали освещать и взаимоотношения между губернскими и уездными властями, в частности, Красноярска и Минусинска [67, с. 107; 77, с. 20; 80, с. 217–218]. Попытка изучения некоторых аспектов функционирования административно-командной системы на примере взаимоотношений Енисейского губернского центра и Минусинской уездной власти предпринималась и автором в рамках небольшого сообщения [76, с. 79–82], что, конечно, ограничило исследовательские возможности.

Сведения о ликвидации одного из минусинских «заговоров» и «бандитизма» в начале 1920-х гг. сообщались в публикаци-

ях пропагандистского и научно-популярного характера. «Заговорщицкая» деятельность заключенных Дома лишения свободы и облик местных коммунистов рассматривались автором в одном из небольших сообщений [1, с. 318–320; 2, с. 45–46; 74, с. 97–101; 75, с. 66–69].

Но в целом, учитывая, что труды историков неизменно усредняют многообразие процессов, рассмотрение означенных вопросов в жанре локальной истории на основе эмпирического материала практически только начинается. Объясняя посягательства функционеров на властные полномочия только их заботой об обеспечении стабильности статуса «своей олигархической группы» [68, с. 25], некоторые авторы сужают обусловленность происходившей борьбы за власть и повышают актуальность нового обращения к этой проблеме. В данном случае тема взаимоотношений в коммунистическом лагере на примере Минусинска продолжает изучаться с привлечением обнаруженного нами более широкого и впервые вводимого в научную практику большого массива фактических данных.

С приходом партизан в Минусинске состоялся VIII уездный крестьянский съезд, или, как его потом называли, съезд советов (октябрь 1919 г.), который избрал из 17 членов Объединенный Совет с аппаратом, состоявшим сначала из пяти, затем десяти отделов. Необходимость пополнения его состава представителями от волостей ускорила создание советов на местах. Только в Каптыревской волости были организованы 11 таких органов. 3 февраля 1920 г. партийно-советским активом был избран из 20 членов уездный исполком, который ввиду военного положения 5 февраля передал власть назначенному уездному ревкому [71].

Между тем, в советском строительстве на территории Енисейской губернии имела и другая тенденция. 28 февраля 1920 г. состоялось совещание губернских ответственных работников, на котором было решено приступить к выборам советов. 4 марта губернское бюро РКП(б) постановило провести их с 28 марта по 7 апреля текущего года, а 30 марта сконструировало губисполком.

Но инициатива местных коммунистов, войдя в противоречие с политикой военных властей, закончилась тем, что созданные в Минусинском уезде советы в марте 1920 г. были реорганизованы в ревкомы, состоявшие из 1278 человек, в т. ч. 692 члена. Лишь в июне 1920 года власти вернулись к организации выборной советской системы. Представители 37 волостей Минусинского уезда, собравшись на беспартийную конференцию (июнь 1920 г.), приветствовали провозглашенный губернским ревкомом переход к созданию советов и заверили его, что население в советские органы «пошлет лучших сынов». 4 июля 1920 г. губревком утвердил «Инструкцию по выборам сельских советов и волисполкомов», которая гласила, что они создаются сроком на шесть месяцев, оговорила количество депутатов, условия их избрания. Впервые определялась категория лиц, лишенных избирательных прав. В выборной кампании, охватившей 132,6 тыс. человек населения Минусинского уезда, не участвовали 2,7 тыс. лишенцев или 2% от численности всех избирателей [44, л. 22, 62].

Во второй половине июля 1920 г. ревкомы здесь были заменены советами. Будучи избираемыми на всех уровнях, советы, казалось бы, должны были стать органами более демократического правления. Но структура исполкомов повторяла организационное построение ревкомов, сохранились и методы их работы.

С самого начала советская власть в Минусинском уезде «столкнулась с бездной вопросов». Сменявшие друг друга служащие ревкомов и исполкомов не сразу вникли в жизнеобеспечение региона. Неграмотные крестьяне, ставшие руководителями волостных органов, с трудом справлялись со своей работой. Созданная в инородческом районе власть вообще оказалась чуждой большевикам. Они попытались укрепить свои ряды за счет привлечения опытных партийцев, работавших в Минусинском совдепе еще в 1918 г., арестованных и оказавшихся потом в Благовещенске. Но в полном объеме решить этот вопрос им не удалось.

Слабой являлась политическая и военная опора минусинских советских органов.

Бывшие партизаны, численность которых в уезде достигала 6 тыс. человек, в силу своей сплоченности и боевого опыта представляли особую социально-политическую силу, но, будучи зараженными настроениями сепаратизма и красного бандитизма, оказались способными дезорганизовать работу учреждений и нарушить спокойную жизнь обывателей. Так, к примеру, губернским властям сообщалось, что в Минусинском уезде до прихода регулярных войск Красной армии царил анархия, порожденная партизанами, не знающими дисциплины. Партизанская армия принесла с собой в уезд пьяный разгул, самосуды, дезертирство и безобразия, которые приводили мирных жителей в ужас [4, л. 127]. Уже в мае 1920 г. расквартированные в Бейской волости партизаны были недовольны тем, что им не дают заниматься привычным ремеслом – грабить население. Среди них велась агитация за изгнание из воинских частей бывших белых офицеров – «золотопогонников», перераставшая порой в требование «Долой Красную армию!»

Минусинская «чрезвычайная» следственная комиссия была организована в связи с угрозой, исходившей от партизанских масс, устроить «Варфоломеевскую ночь» 300 военнопленным Белой армии, сдавшимся в плен в районе д. Козино. 4 февраля 1920 г. на базе следственного органа, структурного подразделения Армейского совета партизанской армии А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина, в составе уездного ревкома был создан орган, который должен был заняться «скорейшим разбором дел и суровым наказанием контрреволюционеров».

Но, согласно воспоминаниям большевика В.Г. Солдатова, партизаны, остававшиеся в Минусинске, были возбуждены выступлениями прибывших представителей своего командования С.К. Сургуладзе и А.К. Загайного [73, с. 368, 487–489] о том, что советская власть в Красноярске не существует, а партизан разоружают. Из сдавшихся в д. Козино 49 белых офицеров 20 – были убиты партизанами по дороге в Минусинск. Местные власти пытались организовать судебное разбирательство прошлого данных лиц, но толпа партизан, ворвавшись

Рис. 1. С.К. Сургуладзе. Фото из фондов Минусинского музея

в тюрьму, их просто растерзала [72, л. 120–121].

Пытаясь контролировать ситуацию, местные чекисты в марте – апреле 1920 г. арестовали 200 человек и завели 700 дел. Однако до приезда из Красноярска нового пополнения в чека имелись только единицы грамотных сотрудников. Не располагала она и необходимыми ей осведомителями. Арестованные находились под присмотром милиции, состоявшей все из тех же бывших партизан [28, л. 96; 44, л. 76, 80, 91].

Созданные стихийно коммунистические ячейки, насчитывавшие 880 членов, кандидатов в члены РКП(б), а также сочувствующих, на 70% состояли из лиц, в прошлом партизанивших. Они удивляли дисциплинированных коммунистов находившейся в уезде 27-й стрелковой дивизии Красной армии своим «партизанским духом». Силы красноармейцев 371-го Минусинского батальона войск ВОХР были незначительными: на 14 апреля в нем насчитывалось лишь 65 бойцов, вооруженных 25 винтовками, которых не хватало даже для несения караульной службы [17, л. 14; 25, л. 81, 84; 44, л. 85]. В июне 1920 г. части дивизии были с территории уезда выведены и отправлены на Западный фронт. Объявленный же по тревоге 31 июля сбор воин-

ских частей в Минусинске показал их недостаточную подготовленность [61, л. 23].

Вопреки указаниям центральных властей, местные управленцы зачастую были склонны действовать, следуя настроениям и руководствуясь интересами определенных слоев населения. Так, еще тот же VIII съезд постановил взыскать с казачества полный годовой оклад податей за 1919 г., тогда как с крестьянства – лишь недоимки за вторую половину этого года. Его участники решили конфисковать в пользу крестьянской армии имущество бежавших казаков [21, л. 17, 22]. Пользуясь такой поддержкой, бывшие «солдаты» партизанской армии и крестьяне д. Нижний Суэтук Ермаковской волости обмолотили засеянный местными станичниками хлеб и развезли его по своим хозяйствам. Лишь 10 февраля 1920 г. уездный советский орган запретил проводить реквизиции и конфискации без ведома властей [58, л. 89].

С возвращением к мирной жизни часть населения стремилась к немедленному улучшению и своего земельного положения. К примеру, 15 февраля того же года общее собрание в Минусинске партизан особого батальона 1-го Манского полка вынесло решение о передаче пустующих казачьих земель тем своим сослуживцам, чьи хозяйства были разорены колчаковцами [53, л. 38].

Согласно обращению ВЦИК и СНК от 14 августа 1919 г., енисейский губернский земельный отдел видел свою текущую задачу в сохранении существовавшего землепользования, которое оценивалось им как трудовое. Самовольные захваты сельскохозяйственных угодий были запрещены.

Однако на местах отношения крестьян и властей к казачьему землепользованию складывались иначе. Уже в июне 1920 г. с пожеланием забрать себе наделы казаков, сражавшихся на стороне белых, вновь выступили крестьяне д. Нижний Суэтук. Организовав ревком, деревенские активисты перешли к захвату земель и имущества казаков. Разбиравшийся с этим делом на месте, уполномоченный комиссии ВЦИК Серенко сообщил в уездные органы, что властные полномочия здесь осуществляют «самовольные засельщики», совершившие

ряд незаконных и антигосударственных деяний. В ответ эти лица направили в Минусинск жалобу о действиях военкома, который, якобы, проведя совещание с вернувшимися казаками, потребовал у ревкома возвращения им имущества. Бывшие партизаны и бедняки-переселенцы все же успели по своему усмотрению занять массив казачьих земель в Минусинском уезде [48, л. 2; 55, л. 1; 64, л. 80].

Такие самочинные действия крестьян находили одобрение у минусинских функционеров, а секция первого уездного съезда Советов, получив информацию о том, что казаки часть земли сдают в аренду, 28 августа 1920 г. предложила исполнительным органам пресечь «эксплуатацию в уезде» [57, л. 23].

Советская власть не пользовалась авторитетом у основной массы считавшегося зажиточным населения Минусинского уезда. В мае 1920 г. крестьяне, отказываясь повиноваться ее распоряжениям, заявляли, что «эта власть хуже, чем была раньше, на самых высоких должностях сидят евреи, немцы и опять приказы и опять мучат нас». В некоторых волостях уже были слышны призывы не подчиняться власти, «как не отражающей волю крестьян» [44, л. 85, 88]. К августу того же года в д. Малые Кныши, Никулино, Паначево, Сидорово, Карташево, Отрок и Идра Кнышинской волости, якобы, появились тайные организации, состоявшие из 300 жителей и дезертиров, бежавших из-под Минусинска [60, л. 25]. «Медовый месяц сожительства с крестьянами» у советской власти, наблюдаемый в первые полгода с ее воцарением, близился к завершению.

Ситуация начала обостряться с августа 1920 г., когда, несмотря на поступившую из Красноярска информацию о постигшем Енисейскую губернию неурожае, Сибирский революционный комитет возложил на нее задание собрать разверстку в объеме 7,2 млн пудов хлеба. Из них 60% было необходимо изъять у крестьян до декабря 1920 г. Деревня из нового урожая к 18 октября сдала лишь 150 тыс. пудов зерна. Причем, они были получены только в Минусинском уезде [7, л. 105].

Изъятие продовольствия насильственными методами в волостях, разоренных белыми и красными, одновременная мобилизация лиц призывного возраста и бывших унтер-офицеров вызвали крестьянские восстания, а дискриминационные меры коммунистов против бывших участников Белого движения – появление «банд», которые, направляясь в Монголию, появились на территории Минусинского уезда, еще более усугубляя здесь политическую обстановку.

С первых дней общения напряженный характер приняли взаимоотношения новой власти и бывших партизан, наблюдаемый даже на уровне властных структур. Еще 23 февраля 1920 г. Минусинский уездный ревком был реорганизован, его председатель и один из бывших партизанских вождей Сургуладзе оказался переведенным на должность заведующего отделом управления, а на его место назначили губернского представителя А.Я. Каулина. Очередное недовольство среди данной категории лиц вызвал обусловленный настроениями крестьян и произведенный ревкомом в мае того же года арест руководства уездной милиции, которое также состояло из партизан [6, л. 2; 44, л. 88].

Раздраженные начавшимся насаждением во власть губернских представителей местные коммунисты высказали отрицательное отношение к ним на уездной партийной конференции. Прошедшая 15 августа 1920 г., она, по мнению Каулина, не носила делового характера и преследовала частные цели. Но в Красноярске участники совещания представителей губернских ревкома, комитета РКП(б) и чека, заслушав 18 августа информацию из Минусинска о, якобы, состоявшемся партийном суде местных работников над Каулиным, а также о следствии, которое начали уездные чекисты по делу В.В. Хжановского, еще одного губернского назначенца, и будучи уязвленными проявлением такой «независимости», решили направить в Минусинск специальную комиссию. Состоявшая из работников различных губернских ведомств, она должна была провести ревизию партийно-советской работы.

Ситуацию, начавшуюся складываться на юге региона, обсуждал и собравшийся

23 августа президиум губернского комитета РКП(б), который недоверчиво относился к местным работникам, особенно к выдвиженцам из партизанской среды. Будучи информированными о том, что в качестве причины такого положения является наличие в городе и уезде только 150 коммунистов, его члены сразу же, мотивируя свое решение занятостью бывшего партизанского вождя А.Д. Кравченко, формировавшего партизанские отряды для фронта, отказались от его выдвижения председателем Минусинского уездного исполкома. Однако, предлагая на эту должность своего представителя, президиум решил «в противовес партизанским настроениям» послать Кравченко в Минусинск для проведения уездного съезда Советов [9, л. 82; 10, л. 3; 27, л. 76].

Как и следовало ожидать, I Минусинский уездный съезд Советов (25–29 августа 1920 г.), прошедший под руководством бывших партизанских командиров А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина и контролируемый представителями губернской партийной организации Каулиным, Хжановским, Шинкаревским и Ямпольской, вместо ревкома, чрезвычайного органа Советской власти, избрал уездный исполком.

Но фракция коммунистов не захотела идти на поводу губернской комиссии и провела в состав исполкома, определенного в 20 членов и 10 кандидатов, только 18 своих представителей. Несмотря на рекомендации, высказанные 28 августа партийному руководству уезда комиссией губкома об избрании председателем уездного исполкома Каулина, а его заместителем Кашникова, уездный комитет с этой задачей не справился. Коммунисты – участники съезда, находясь под влиянием Кравченко, новому возвышению которого противились губернские органы, и других бывших партизанских командиров, отказались от избрания на эту должность губернского представителя [9, л. 87; 34, л. 35; 57, л. 24].

Ответным, прежде всего, стало усиление влияния губернской номенклатуры путем назначения на одну из ключевых должностей своего представителя. 30 августа уездный исполком якобы из-за имевшихся злоупотреблений служебным положением

одним из первых своих решений был вынужден признать кандидатуру бывшего партизанского командира и анархиста Т.И. Мордвинова, ранее руководившего силовыми ведомствами уезда, не соответствующей назначению на должность начальника уездной милиции. На эту должность из Ачинска перевели И.Г. Фридмана [73, с. 503], уже имевшего опыт работы губернского масштаба [27, л. 82; 28, л. 31–32; 29, л. 3, 15; 64, л. 132].

Следом, 4 сентября 1920 г., президиум Енисейского губернского комитета РКП(б) за невыполнение партийного задания призвал Кравченко и бывшего председателя Минусинского уездного ревкома Евстратова к порядку, а 7-го заменил уездный партийный комитет на организационное бюро. Председателем этого органа сначала назначили Л.Б. Литвину, 23-летнюю, в прошлом конторщицу и коммунистку с 1918 г., а затем – М.И. Конышева (32 года, член РСДРП с 1905 г., образование низшее, по профессии столяр, член Енисейского губисполкома). Состав его был расширен с трех до пяти членов и состоял из заведующих организационно-инструкторского отдела той же Литвиной, отдела по работе в деревне И.П. Садовского (34 года, большевик с 1917 г., окончил двухклассную школу и всю жизнь трудился в колбасном производстве), инструкторско-статистического отдела Я.А. Вольфанга (26 лет, большевик с 1917 г., образование начальное, работал мыловаром) и секретаря Е.А. Свинтульского (28 лет, член РКП(б) с 1920 г., с двухклассным образованием).

Но состоявшееся в Минусинске по этому поводу чрезвычайное заседание уездного комитета партии признало мотивы решения губкома РКП(б) о своем роспуске несостоятельными. Местные коммунисты подчинились ему и согласились с этой заменой лишь тогда, когда Вольфанга и Свинтульского в составе бюро заменили избранным к тому времени председателем Минусинского уездного исполкома А.И. Кашниковым (26 лет, член РКП(б) с 1918 г., имел среднее образование и опыт советской работы) и начальником гарнизона О.Т. Саусвердом (член РКП(б) с 1918 г., окончил Рижское реальное училище, в

прошлом служил фельетонистом в газете) [9, л. 94; 10, л. 11; 27, л. 84; 30, л. 30; 38, л. 1, 3, 15, 24].

Тогда Минусинск был объявлен местом, где, согласно воспоминаниям одного из чекистов, «кишели заговоры». В ночь на 11 сентября 1920 г. в Минусинске прозвучали выстрелы. Начальник 109-й бригады ВОХР, штаб которой только что был размещен в городе, объявил тревогу. Несмотря на то, что виновными в ночной стрельбе и ранении красноармейца оказались местные милиционеры, а руководство политбюро объявило о непричастности к ней чекистов, их обвинили в незаконном освобождении из тюрьмы «контриков». Минусинский уездный исполком, указав на необходимость усиления взаимодействия между милицией, частями гарнизона, ВОХР и чека, запретил выпускать заключенных на работы без особого разрешения [61, л. 15, 18].

При арестах, произведенных по указанию заведующего политбюро и начальника уездной милиции Фридмана, в ночь на 13 сентября 1920 г. были задержаны 50, а по другим данным, 80 «заговорщиков», служивших в отделах уездного исполкома, районном продовольственном комитете, военкомате и в воинских частях. Как было установлено следствием, они имели связь с тайно подготовленными в уезде отрядами и, в частности, с «бандой» бывшего хорунжего И.И. Занина [73, с. 370–371], объявленного большевиками «белым королем», поддерживаемого кулаками и неуловимого, одно имя которого «приводило в ужас крестьян». По свидетельству одного из участников борьбы с ним, в юридическом отделе местной чека была сделана выборка из показаний крестьян, якобы пострадавших от действий его повстанцев, расстреливавших мужчин и насиловавших женщин.

В Минусинский уезд были стянуты воинские силы, состоявшие из Енисейского пограничного полка, 191 и 192-го полков 109-й бригады ВОХР. Бригада по штатному расписанию насчитывала 2300 человек, в т. ч. 1500 штыков. Но среди этих лиц, довольных уменьшением продовольственного пайка и недостатком обмундирования, имелось только 42 коммуниста и, напротив, несколько бывших белых офицеров, зани-

мавших командирские должности. Поэтому командование дислоцировало в Минусинске самую надежную роту численностью в 350 штыков во главе с латышом Петерсоном и караульный батальон, состоявший из 200 бойцов с пулеметной командой. Для осуществления контроля над деятельностью учреждений и воспрепятствования возможного саботажа чиновников состоявшееся 20 сентября общее собрание коммунистов уезда постановило организовать здесь свои ячейки. Местное руководство, не дожидаясь разрешения губернских властей, объявило 11 волостей уезда на военном положении. В сельскую местность выехали полковые трибуналы и районные инструкторы.

На поимку Занина в район его нахождения, указанный арестованными «заговорщиками», были командированы 50 красноармейцев во главе с командиром одного из полков ВОХР С.А. Кочуровым [73, с. 406] и комбатом А.С. Бойцовым. Вблизи с. Шалаболино они, выдавая себя за повстанческий отряд Олиферова и соединившись с «бандой», захватили Занина и 20 его сообщников. Согласно воспоминаниям очевидцев, местные крестьяне за «карательные акции» ненавидели Занина так, что красноармейцы с трудом удержали их от самосуда над арестованным.

Вероятно, обстановка потребовала срочного вмешательства начальника губернской милиции С.Т. Моисеенко [1, с. 275–276]. Появившись к 9 октября в Минусинске якобы в связи с пьянством и безобразиями, творившимися в подведомственном ему органе и основываясь на показаниях арестованных, он сразу же обнаружил «контрреволюционную организацию». Среди «заговорщиков» были пятеро членов комсостава ВОХР и двое ответственных работников райпродкома. «Заговор» будто бы проходил под лозунгами «Сибирь – сибирякам! Долой коммунистов-большевиков! Да здравствует Учредительное собрание!», а у его участников якобы была обнаружена печать штаба Первого Минусинского белопартизанского отряда. Во главе «заговорщиков» находился член партии социалистов-революционеров, в прошлом политический ссыльный и пред-

седатель Минусинской уездной земской управы В.С. Карцев. Боевая же подготовка велась казаком, по другим данным, абаканским кулаком и в прошлом дружинником Якименко (Екименко), а также бывшим офицером Техтерековым. При аресте у Якименко были обнаружены пропуска, полученные от писаря караульного батальона и позволявшие ему посещать все части Минусинского гарнизона.

Осуществляя связь между «заговорщиками», тот же Якименко якобы снабжал повстанческие отряды, насчитывавшие до 400 человек, медикаментами и медицинскими принадлежностями. Нуждаясь в оружии и патронах, «банда» Занина будто бы намеревалась вооружиться за счет нападения на красноармейцев и захватить Минусинск. Следуя показаниям минусинских «заговорщиков», чекистами и милицией была раскрыта крупная «контрреволюционная организация» в казачьих станицах Монок и Арбаты. Она же, состоявшая из восьми членов, оказалась обнаруженной в с. Бея, а также в Абакано-Заводском поселке. Состав участников и лозунги, выдвигаемые «заговорщиками», позволили губернскому комитету РКП(б) назвать их организацию «эсеровской» [1, с. 318–320; 2, с. 45–46; 3, л. 23; 4, л. 6; 8, л. 66; 10, л. 55; 28, л. 37; 30, л. 8; 31, л. 1; 36, л. 52; 42, л. 28; 43, л. 22; 52, л. 133 об.].

С именем Занина, хотя он в это время находился в заключении, был связан еще один «заговор», якобы созревший среди заключенных минусинского Дома лишения свободы. Прибывшая в тюрьму комиссия, произведя обыски и допросив находившихся здесь лиц, установила существование антисоветской организации во главе с бывшими офицерами А.И. и В.И. Николаевыми [23, л. 1, 61, 63, 73], В.В. Михайловым и др. численностью в 30–40 членов, которые намеревались в ночь на 6 ноября 1920 г. разоружить караул, захватить тюрьму и с боем прорываться на соединение с «бандой» Занина.

Рассмотрев дело Николаевых, которых обвиняли не столько в «заговорщицкой» деятельности, сколько в ставших известными в результате доноительства прошлых расстрелах красноармейцев, засе-

Рис. 2. В.И. Николаев и А.И. Николаев

Рис. 3. В.И. Николаев. Томск, май 1919 г.

давшая в январе 1921 г. выездная сессия губернского ревтрибунала приговорила их и «контрреволюционеров» Пшеничникова и Бармина к расстрелу. Тюремный конвой во главе с заведующим тюрьмой А.Л. Ковальчиком [23, л. 142, 251–286] незамедлительно привел приговор в исполнение, а следом расстрелял еще двоих бывших офицеров. Участь других подследственных по этому делу решала такая же сессия, но заседавшая уже 4 февраля 1922 г. К этому времени двое из них уже умерли в заклю-

чении, еще столько же были освобождены и уехали в Польшу. Прочие, приговоренные к принудительным работам, по амнистии получили лишь условное наказание. Только бывший офицер Михайлов, якобы разработавший план захвата города, был осужден на три года заключения в режиме строгой изоляции.

Как выяснилось в дальнейшем, инспирирование «заговора» в тюрьме было призвано скрыть произвол ее начальства. Содержание заключенных здесь являлось далеким от образцового. К тому же, полугодные и замерзающие заключенные, перевыполнив поступивший в тюрьму заказ на пошив полушубков в пользу администрации и возмутившись обысками и изъятием имущества и даже нательного белья, сообщили в инспекцию о ее проделках [22, л. 31, 66–76; 23, л. 1, 5; 24, л. 83, 141; 64, л. 200]. Последовавший донос закончился жестокой расправой.

Но даже с ликвидацией «контрреволюционных организаций» на 5 декабря 1920 г. в уезде существовала и действовала пользовавшаяся симпатиями инородцев и возглавляемая 3–4 бывшими офицерами некая «банда» численностью в 250 человек, среди которых было много казаков. Имея «отличных» проводников, она, судя по показаниям задержанных, стремилась захватить Абаканский железодельный завод, чтобы, разрушив его и мобилизовав рабочих, увести их в Монголию [30, л. 3].

Забегая вперед, укажем, что 24 марта 1921 г. выездная сессия губернского ревтрибунала, рассмотрев дела 34 «контрреволюционеров», приговорила восемь человек, в т. ч. Карцева и Занина, к расстрелу. Где-то после 7 апреля в одной из минусинских церквей состоялось отпевание погибших. «Заговорщики» из Монока и Арбатов еще ранее были ликвидированы отрядом П.Л. Лыткина.

Однако недолгой оказалась жизнь и советских героев. Например, вскоре был «разоблачен» спецслужбами Кочуров. Согласно воспоминаниям одного из чекистов, особый отдел 5-й армии обнаружил его связь с «белогвардейским» генералом А.С. Бакичем, после чего Кочуров был арестован и заключен в Минусинскую тюрьму.

Здесь он заболел и умер от тифа, избежав тем самым суда [70, с. 63–64].

Подводя итоги ликвидации «заговора», президиум Енисейского губкома РКП(б) 25 октября 1920 г. послал в Минусинск ряд ответственных работников, чтобы они в двухнедельный срок провели уездную конференцию коммунистов и сформировали новый состав партийного руководства. С упразднением оргбюро был избран уездный комитет партии в составе 8 членов и 2 кандидатов. Он состоял из ответственного секретаря Н.П. Непомнящего (27 лет, член РКП(б) с 1917 г., образование среднее, по профессии учитель) и членов – председателя уездного исполкома А.И. Кашникова, районного продовольственного комиссара С.К. Сургуладзе, заведующего агитационным отделом Н.Ф. Булова (24 года, член РКП(б) с апреля 1920 г., грамотный, работал в органах комсомола и кооперации), заведующего политбюро М.С. Проневича (30 лет, член РКП(б) с 1919 г., образование среднее, в прошлом учитель, красноармеец), заведующего информационно-инструкторским отделом М.К. Серебренникова (19 лет, член РКП(б) с 1918 г., образование среднее, служил чекистом), заведующего отделом труда и управляющего Минусинским отделением губернского Союза кооперативов Е.А. Глухих (27 лет, член РКП(б) с 1917 г., грамотный, в прошлом советский работник) и заведующей организационно-инструкторским отделом А.М. Егоровой (38 лет, член РСДРП с 1904 г., образование среднее, работала учителем, кооператором).

Но, разрешив местным коммунистам иметь выборный орган, губернское партийное руководство предприняло очередную попытку усиления своих позиций в Минусинске. На должность председателя уездного исполкома вместо отзываемого Кашникова оно 22 октября 1920 г. рекомендовало своего члена, в прошлом руководителя армейских трибуналов, Б.М. Гуровича [73, с. 353–354]. Вследствие того, что минусинская парторганизация была ослаблена мобилизацией коммунистов на борьбу с «бандитизмом», вместе с Гуровичем из Ачинска в Минусинск прибыли 12 ответственных работников. 7 декабря 1920 г. состоялось

заседание пленума Минусинского уездного комитета РКП(б), члены которого после длительных и острых дебатов согласились с назначением Гуровича и провели его и посланцев соседней партийной организации в свой состав. Однако они сочли нужным выразить протест против перемещения ответственных работников без ведома местных коммунистов [20, л. 143–145; 30, л. 4; 38, л. 13–24].

Рис. 4. Б.М. Гурович. Фото из фондов Минусинского музея

Отправка в сентябре – октябре 1920 г. наиболее активных партизан вместе с Кравченко и Щетинкиным на борьбу с поляками и Врангелем открывала новые возможности перед губернской номенклатурой по своему вершить кадровые дела на местах. Чтобы обезопасить себя от выступления бывших партизанских вождей, президиум губернского партийного комитета 28 декабря обратился в Сиббюро ЦК РКП(б) с просьбой об использовании их в служебных целях на территории других регионов. Оставшимся же в губернии бывшим партизанам, которых партийные работники зачастую называли «шкурниками», стали предоставляться второстепенные должности. Так, вопрос о замене Сургуладзе, уже

перемещенного на ответственную, но малопочетную и постоянно критикуемую продовольственную работу, обладавшего, по их мнению, высоким «революционным духом», но отнюдь не правовыми знаниями и опытом деятельности в этой сфере, ставился на президиуме губкома РКП(б), начиная еще с октября 1920 г. [28, л. 51, 94–96; 30, л. 17].

Политическая обстановка в Минусинском уезде в конце 1920 г. «подогревалась» не только появлением повстанческих «банд», но и слухами о наступлении белых и замыслами врагов советской власти. К примеру, в Иркутске и Нижнеудинске была раскрыта «контрреволюционная организация», которая предполагала, используя командный состав коммунистического полка, дислоцированного в Минусинске, нащупать связь с белыми в Урянхее и Монголии и объединиться с ними в единый антисоветский фронт. На юг губернии якобы выезжал английский резидент, а в «заговоре» принимал участие командир полка коммунист Анфиногенов.

Поэтому здесь в срочном порядке начала укрепляться милиция: численность ее увеличилась до 130 человек, на вооружение которых поступили 200 винтовок и патроны. Сформирован был и конный отряд, состоявший из 60 милиционеров. Коммунисты, вовлеченные в систему Всеобщего обучения, стали проходить военную подготовку на специальных курсах [30, л. 9; 40, л. 2].

Одновременно местная советская власть приняла меры по упорядочению некоторых щекотливых отношений с населением. 4 октября 1920 г. президиум Минусинского уездного исполкома постановил создать комиссию, в ведение которой были переданы дела конфискации и реквизиций. Военный комиссариат 23 декабря издал приказ по войсковым частям и учреждениям Минусинска, согласно которому лица, реквизирующие у населения предметы снаряжения, обмундирование и лошадей, отныне, как мародеры, должны были предаваться суду Военно-революционного трибунала [56, л. 19; 58, л. 48].

К этому времени очевидным стал провал хлебозаготовительной политики. Для того чтобы стимулировать крестьян, 16 но-

ября 1920 г. состоялась их уездная конференция, которая после бурных прений и даже выдвижения «контрреволюционной» резолюции решила выполнить продразверстку в кратчайшие сроки, а «держателей» хлеба объявила «злейшими врагами народа». Но на 30 ноября в уезде было собрано только 33% объема продовольственного задания, тогда как в губернии – 45% [31, л. 9; 57, л. 2].

С целью выполнения заготовок продовольственные работники стали изымать у крестьян зерно, оставляемое ими на семена, что вызвало крайнее недовольство у населения. Состоявшееся 23 декабря в Минусинске продовольственное совещание констатировало, что даже деревенские коммунисты готовы перейти в оппозицию к советской власти. Партизаны были настроены против нее настолько враждебно, что неоднократно обращались к бывшему своему вожаку Сургуладзе с вопросом: «А не пора ли братья за оружие?» Однако губернский продовольственный комитет по-прежнему требовал осуществления продразверстки в полном объеме. Его представитель передал в Минусинск сообщение о возможности оставления крестьянам семян лишь в случае выполнения ими половины объявленного задания [28, л. 96; 32, л. 10].

Большую сумятицу в продовольственные дела внесло постановление VIII Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1920 г. «О мерах укрепления и развития крестьянского и сельского хозяйства», в котором указывалось об учете и бронировании семенного зерна. Определив обсеменение земли в качестве государственной повинности, власти объявили запасы семян, находившиеся у крестьян, неприкосновенными и обязали их сохранять под личную ответственность или же ссыпать в общественные амбары под ответственность сельских советов или волостных исполкомов [69, с. 189–190]. С выходом этого постановления хлеб без разбора стали свозить на ссыпные пункты, после чего он не годился на семена. В результате к таким факторам, отрицательно влияющим на выполнение продразверстки, как сравнительно небольшой урожай, поздние заморозки, задержавшие молотьбу хлеба, недостаток

продовольственной агентуры, добавилась еще и противоречивость директив, исходящих от губернских и уездных советских и продовольственных органов и дезориентировавших низовые аппараты и крестьян.

Зная, по опыту других уездов, к чему ведет такая продовольственная политика, местные руководители пытались предупредить губернское руководство об опасности возникновения крестьянского повстанчества. Так, выступавший на заседании президиума губернского комитета РКП(б) 8 января 1921 г. военком Саусверд говорил о том, что в Минусинском уезде, вследствие его географического положения, возможностей для быстрой победы у военных над повстанцами не будет [28, л. 96].

Но еще чуть ранее, предчувствуя этот ход минусинских коммунистов, секретарь губернского комитета РКП(б), хладнокровно констатируя, что ситуация в их уезде не отличается от положения в других районах губернии, так изложил свое понимание угрозы повстанчества: «Восстания вероятны; это в порядке вещей, ибо наивно думать, что нам удалось сломить сопротивление крестьянских масс... Мы сильны не столько своей организованностью, а отсутствием организованности мелкобуржуазной стихии, – писал он членам уездного партийного комитета. – Поэтому, не придаваясь излишнему оптимизму и не впадая в противоположную крайность, необходимо признать, что шаткое положение наше, в частности, в Минусинском уезде, представляет собой фазу организованной нашей борьбы с мелкобуржуазным крестьянством, причем не без длительных усилий и напряженной борьбы – наш успех является несомненным». Здесь же, критикуя деревенских коммунистов за мелкобуржуазность, не позволившую их ячейкам стать органами «коммунистического характера», лидер губернских коммунистов высказал убеждение, что они являются группами людей, «преданных советской власти, идущих за партией и показавших в Канском и Ачинском уездах свою жертвенность», и тем самым возлагал надежду на них в борьбе с крестьянством [20, л. 10].

Узел противоречий между губернскими руководителями, которые в борьбе за хлеб

были готовы развязать очередную войну с крестьянством, и минусинскими коммунистами, которые в целях безопасности пытались ослабить хлебозаготовительный нажим на него, затягивался все сильнее. Еще одну попытку разрубить его предприняли президиум Минусинского уездного исполкома 13 января и его пленум 14 января 1921 г., когда объявили о преобразовании уезда в самостоятельную административную единицу [58, л. 69; 59, л. 24].

Местное руководство искало пути оптимального решения хлебозаготовительного вопроса. Острыми прениями встретили члены президиума Минусинского уездного исполкома на заседании 16 января 1921 г. телеграмму председателя Енисейского губернского исполкома Б.З. Шумяцкого о бронировании семян. Обсудив ее содержание и сообщение заведующего земельным отделом уездного исполкома и агронома Б.В. Окушко о том, что свозимое на сыпные пункты крестьянское зерно быстро теряет свои семенные качества, участники заседания решили постановление губернского исполкома проводить в жизнь, но семенной хлеб, зачисленный в счет разверстки, из сыпных пунктов не вывозить, а прочие семена оставить у крестьян, произведя их подворный учет через посевокомы. Данное решение, по мнению членов президиума, должно было способствовать выполнению разверстки, успокоению населения и сохранению размеров будущих крестьянских посевов.

Но следом в адрес уездного органа поступили телеграфные распоряжения губернского исполкома, требовавшие уже сыпки семян в общественные амбары-магазины, где они «фактически будут находиться в руках государства». Собравшийся по этому поводу 21 января уездный исполком раскололся на лиц, выступавших за изъятие семян у населения (Сургуладзе, Непомнящий и др.), и тех, кто сомневался в необходимости этой меры (например, Окушко). Когда же продовольственные работники отказались гарантировать наличие семян к весеннему севу, то обсуждение данного вопроса было перенесено на закрытое партийное собрание, а затем и на

заседание президиумов уездных исполкома и партийного комитета [58, л. 69–70, 72].

В тот же день в связи с участвовавшими убийствами в городе, носившими, по мнению очевидцев, «партизанский характер», и опасностью для советской власти, исходившей от появившихся крупных «банд» Базаркина и Олиферова, территория Минусинского уезда была, в соответствии с постановлением Сибревкома от 4 декабря 1920 г., объявлена на военном положении. Позднее спецслужбы будто бы выявили, что в Минусинске существовал некий «партизанский штаб», который под лозунгом чистки советских учреждений от «гадов» – ответственных работников-коммунистов и «спецов» возглавлял движение «анархического характера». На секретном совещании у ответственного секретаря местного комитета партии М.И. Серебренникова якобы было решено ликвидировать некоторых лиц. Затем в городе были убиты девять бухгалтеров, агрономов и кооператоров, в частности, бухгалтер Минусинского отделения губернского Союза кооперации Фрейман [50, л. 52].

С 27 января в Минусинске, наряду с уездными исполкомом и комитетом партии, стал действовать ревком, созданный из руководителей уездного масштаба – «сепаратистов». В первую очередь его президиум сосредоточил руководство милицией и политбюро непосредственно в руках партийного лидера Серебренникова и указал ему приступить к аресту неблагонадежных и подозреваемых в убийствах лиц. Но поведение ревкома в этом вопросе не было последовательным: на следующий день в связи с дискредитацией советской власти его члены запретили проводить обыски и аресты граждан в ночное время [17, л. 2; 58, л. 142; 62, л. 32, 37–38].

28 января из прибывших в город бывших партизан был сформирован отряд, находившийся сначала под командованием Сургуладзе, а затем Ковальчика. Назначенному соответственно с военным временем командующим вооруженными силами уезда начальнику 64-й бригады Демидову было приказано начать наступление против «банд». В тот же день, согласно приказу Минусинского уездного ревкома, партиза-

ны и милиционеры были выдвинуты на помощь отряду Лыткина, а также для ликвидации повстанчества в Синявинскую волость [62, л. 37–38].

К этому времени ситуация с заготовками продовольствия в Минусинском уезде еще более осложнилась. 24 января продовольственный вопрос обсуждался на пленуме Енисейского губернского исполкома. Участники этого совещания признали сокращение объемов хлебозаготовок угрожающим и постановили мобилизовать все силы советских органов губернии для устранения этой тенденции любыми доступными средствами. Губисполком и губпродком отправили уездным исполкомам телеграфные распоряжения, разрешавшие им заниматься учетом семян и созданием семенного фонда лишь при условии сдачи подведомственными регионами 80% всего объема разверстки.

Однако партийное и советское руководство Минусинского уезда не подчинилось директивам губернского центра. 24 января 1921 г. президиум и 26 января пленум уездного комитета РКП(б) приняли решение продолжать работу по созданию семенного фонда одновременно с выполнением разверсточного задания. Оно было продублировано постановлением президиума уездного исполкома от 27 января, в соответствии с которым были даны распоряжения советским органам на местах.

Вновь поступившая от губернского исполкома, но не подписанная губернским продовольственным комиссаром телеграмма № 278 требовала немедленного бронирования хлеба на местах и сосредоточения его в общественных амбарах. Данное распоряжение было встречено возражениями особого уполномоченного этого органа В.Е. Матвеева. Сославшись на указания центра и свою самостоятельность от решений местного исполкома, он отказался бронировать семена. 27 января ему и приехавшему в Минусинск чрезвычайному уполномоченному было запрещено пользоваться прямым проводом и подачей телеграмм, а 28-го уездный ревком приказал Матвеева за неподчинение своим решениям и по политическим мотивам [62, л. 34; 64, л. 130] подвергнуть аресту.

31 января Минусинский уездный ревком в связи с тем, что Сургуладзе был назначен командиром отряда, сформированного из бывших партизан, упразднил уездное продовольственное совещание, а на должность районного продовольственного комиссара временно назначил Жданова. Но президиум параллельно существовавшего Минусинского уездного исполкома ввиду приезда на должность руководителя чекистского ведомства Опарина и назначения начальником милиции военкома 3-го батальона 192-го полка Орлова решил освободить от должностей начальника уездной милиции и заведующего политбюро Серебренникова [62, л. 34–43; 64, л. 30; 80, с. 217–218].

На состоявшемся 4 февраля общем собрании коммунистов уездный комитет партии объяснил причину введения военного положения, которое было в первую очередь обусловлено участвовавшими в Минусинске убийствами, и объявил о начинающемся с 5 февраля месячнике проведения разверстки и создания семфонда [36, л. 21].

Получив информацию о действиях руководства Минусинского уезда, президиум Енисейского губернского комитета РКП(б) 7 февраля 1921 г. провел экстренное заседание. На нем было принято постановление, категорически предписывавшее партийным и советским органам уезда прекратить сепаратистские действия и бронирование семян. Президиум рекомендовал распустить Минусинский уездный исполком и создать вместо него ревком, но в составе назначенных из Красноярска коммунистов. Для выяснения причин неподчинения исполкома распоряжениям вышестоящих советских органов было решено провести специальное расследование, а всех виновных в срыве разверстки предать суду ревтрибунала.

Состоявшееся в тот же день заседание президиума Минусинского уездного исполкома согласилось упразднить действующий ревком. Такого же мнения придерживались и члены пленума уездного партийного комитета, заседание которого проходило 8 февраля. Согласно его резолюции, уездный исполком в обстановке военного времени «неправильно присвоил себе название

ревкома». Для «урегулирования положения» пленум распределил членов комитета по городским учреждениям.

Однако по поводу методов решения продовольственного вопроса мнение минусинских коммунистов не было единым. Упрекнув товарищей в неоправданном созыве бывших партизан, Гурович заявил, что к бронированию семян следует прибегать лишь в крайнем случае, а разверстку надо выполнить, используя даже вооруженную силу. Напротив, Непомнящий видел в бронировании семян средство, нейтрализующее повстанческие настроения крестьян. Когда же Серебренников заговорил об использовании в продовольственном деле вооруженной силы, то присутствовавший на пленуме комбриг-64 заявил, что такая возможность у него отсутствует.

В конечном итоге пленум, признав «линию» работы уездного исполкома «правильной», высказался за бронирование семян, ликвидацию ревкома и передачу всей полноты власти уездному исполкому. Поддержав проведение месячника продразверстки и создания семенного фонда, партийное руководство мобилизовало на продовольственную работу в деревню 20 коммунистов.

В Красноярске же решение губернского комитета РКП(б) было продублировано постановлением президиума губернского исполкома от 9 февраля, согласно которому в Минусинск для следствия по делу о провале выполнения разверстки и самочинном создании уездного ревкома был командирован руководитель губернской чека Р.К. Лепсис и направлялась особая сессия ревтрибунала. Минусинцам было указано прекратить бронировку семян и сообщено, что вследствие сепаратистских действий их руководства, обусловленных ошибочным пониманием решений VIII Всероссийского съезда Советов, отпуск семян из ссыпных пунктов будет производиться только с разрешения губернского продовольственного комитета. Предлагалось также создать уездный ревком в составе председателя Гуровича и членов – представителя губпродкома Русалева и военкома 64-й бригады Зубкова [5, л. 15; 36, л. 9; 62, л. 48; 80, с. 48;].

Но было уже поздно: еще в ночь на 1 февраля в Шалаболинской волости, население которой с объявлением военного положения ожидало переворота, обстрелу подверглись караулы, выставленные коммунистическими ячейками. К 9 февраля решение губисполкома о ссыпке семян в общественные амбары, объявленное крестьянам, спровоцировало их волнения в Кнышинской, Паначевской, Никольской и Идринской волостях.

Первыми выступили кнышинские крестьяне. Непосредственным толчком к их активным действиям послужил приказ уполномоченного об изъятии в двухсуточный срок дополнительной разверстки хлеба в объеме 20 тыс. пудов. Для конфискации семенного зерна сюда был введен специальный отряд. Тогда толпа крестьян, собравшись численностью до 500 человек, освободила зачинщиков выступления. При этом один из красноармейцев был убит, а другой – ранен.

Во время взимания продразверстки в Никольской волости имели место избиения и аресты крестьян. В отместку один коммунист был жителями убит, другой ранен, в результате аресту подверглись 22 потенциальных мятежника. В Идринской волости от руки уполномоченного Дунайцева погибли двое крестьян, якобы саботировавших заготовки. В то же время местные коммунисты не подчинились приказу волостного комитета, который на 7 февраля объявил сбор их для выработки мер по ускорению ссыпки семян. Некоторые жители, якобы подстрекаемые «темными личностями» – кулаками и священником Петроградским, открыто высказывались против советской власти. Они и активно действовавшие женщины были подвергнуты аресту. Но толпы крестьян освободили этих лиц. Из с. Курагино поступило сообщение о начавшемся мятеже в Паначевской волости. В Салбинской волости наблюдалось объединение кулаков, сломить которое и получить продразверстку было возможно только с применением вооруженной силы.

Узнав о начавшихся волнениях, президиум Минусинского уездного комитета РКП(б) еще 9 февраля, приняв предложение комбрига-64, послал в мятежные воло-

сти 40 красноармейцев из 191-го полка, находившегося в с. Абаканском, а в качестве политического руководителя – своего члена Непомнящего. Следом и президиум уездного исполкома, указав продовольственным работникам не ослаблять работу по изъятию продразверстки, рекомендовал местным властям всячески «расслаивать» население, а коммунистам спланироваться в боевые отряды.

Волнения в Никольской волости были подавлены взводом Палеева (или Талеева), переведенного затем с этой же целью в Идринскую волость. В Кнышевскую и Паначевскую волости был направлен отряд Белякова, который разгонял крестьян залпами в воздух [17, л. 5–9; 36, л. 5; 58, л. 40, 153–195; 63, л. 120].

К середине февраля сведения, поступившие от членов Чернореченской коммунистической ячейки о начавшемся выступлении крестьян с. Григорьевка Ермаковской волости, не подтвердились. Но прибывший в селение отряд из 35 красноармейцев произвел обыски и изъясил 15 ружей у 90 членов «охотничьего кружка», которые якобы, находясь под влиянием бывшего пристава, враждебно относились к советской власти. В Шалаболинской волости было обнаружено некое «бюро зеленой партии», будто бы являвшееся инициатором беспорядков [63, л. 62, 120].

Одновременно минусинскому руководству приходилось выяснять дальнейшие отношения с губернской номенклатурой. Заседавший 11 февраля президиум Енисейского губернского исполкома вновь потребовал создать в Минусинске ревком, а для усиления продовольственных заготовок в уезде направил особого уполномоченного губернского продовольственного комитета Русалева и 30 коммунистов [34, л. 12; 58, л. 75].

Объявленные меры в тот же день обсуждались на пленуме Минусинского уездного исполкома. Мнения выступавших относительно создания ревкома разделились. Заведующий отделом управления Лебедев, обвиняя губернских товарищей в незнании советского законодательства, счел это решение ошибочным. Противоположную точку зрения о том, что «губернии виднее»,

а минусинцам «следует подчиниться», высказал советский работник с 1918 г. и бывший чекист Садовский. Пленум запросил у вышестоящего органа информацию о разделении функций между уездными исполкомом и ревкомом [58, л. 75].

В сущности, лишённое возможности какого-либо маневрирования минусинское руководство, оказавшись между озлобленным крестьянством и губернскими властями, настойчиво осуществлявшими свою политику и не прощавшими отступничества, уже сдавало свои позиции. 15 февраля собравшийся по поводу того, что деревенские коммунисты стали недоумевать, чем вызвана отмена приказа о бронировании семенного хлеба, внеочередной пленум уездного комитета партии постановил отправить им циркулярное письмо с разъяснением. При этом было указано, что лица, сбитые с толку противоречащими директивами, не должны были знать о предписании губернского парткома, аннулировавшего ранее вынесенное постановление о бронировании семян в общественных магазинах. Одновременно члены пленума запросили в милиции 80 винтовок для вооружения городских коммунистов [36, л. 11].

Подмяв под себя политбюро, «назначенцы» решились на силовое решение отношений с оппозиционерами. Так, следуя телеграмме руководства губернских советского и чекистского органов от 10 февраля 1921 г., заместитель заведующего Минусинским политбюро Опарин и его уполномоченный Чепик 18 февраля рассмотрели материал на членов уездных органов о срыве подразверстки. Вызванные в политбюро и допрошенные Н.П. Непомнящий, А.П. Лебедев, Б.В. Окушко, Д.И. Туренко и Х.И. Вайнтруб согласились с обвинением в неподчинении решениям губернских властей, но свое поведение мотивировали обстановкой военного времени. Объявив военное положение в уезде, объясняли допрашиваемые, они и решились на создание ревкома, функции и название которого взял на себя уездный исполком. Данное дело, опротестованное ответственным секретарем уездного комитета партии Серебренниковым, заведующим отделом Лебедевым и другими партийцами, считавшими себя не-

подсудными местному политбюро, было отправлено на рассмотрение в губернскую чеку [64, л. 130–131].

Одновременно отдел управления Енисейского губернского исполкома направил в Минусинский уездный исполком инструкцию, в которой разъяснил товарищам, что основная задача ревкома заключалась в «обороне Республики и наведении революционного порядка», а исполкома – в удовлетворении нужд населения. 25 февраля уездный орган принял ее к сведению [58, л. 77; 66, л. 4].

Следуя за губернской властью в осуществлении принципа централизма, Минусинский уездный исполком принял меры по налаживанию аппаратной работы: была объявлена кампания борьбы с бюрократизмом, критически рассмотрена деятельность райпродкома. В связи с тем, что подразверстка в уезде к 22 февраля была выполнена лишь на 43–45%, уездный комитет партии высказался в поддержку нового губернского задания и постановил о заготовке на 15 марта 417 тыс. пудов хлеба. Его выполнение стимулировалось поступлением из Красноярска 180 тыс. аршин мануфактуры, предназначенной для поощрения крестьян, полностью выполнивших разверстку [36, л. 16; 58, л. 80, 183].

К этому времени произошел перелом и в борьбе с повстанчеством: основные силы Базаркина и Олиферова подверглись разгрому.

Изменения произошли и в составе губернского партийно-советского руководства, в дальнейшем утратившего лиц, непосредственно участвовавших в организации уездной власти. Назначенные председателем губернского исполкома и секретарем губернского комитета РКП(б) Ф.А. Березовский и К.А. Машкин невысоко оценивали состояние аппаратной работы в губернии и качества местных руководителей. Так, Березовский 11 марта 1921 г. в письме председателю Сибревкома И.Н. Смирнову характеризовал Литвину, работавшую председателем губисполкома, заворгом и временно секретарем губкома партии, как женщину «склочную, мелочную и бездарную», члена ВЦИКа и президиума губкома Шингаровского назвал «бездарным болту-

ном, не способным к серьезной и планомерной работе, с утра до вечера бегаящим по учреждениям», а члена президиума губисполкома и губкома партии Каулина – человеком «с невероятным апломбом», «много и цветисто говорившим». Данная «тройка, задававшая здесь тон», своей деятельностью способствовала, по его мнению, созданию «скверных» отношений уездов и губернии, отдельных товарищей к вышестоящим органам. Учитывая просьбу новых губернских руководителей, областные органы решили отозвать вышеназванных лиц, якобы вносивших дезорганизацию в работу, с ответственных должностей в Красноярске.

Особую озабоченность у губернских властей, согласно письму Березовского, вызывало состояние дел в Минусинске. Проявляя «расхлябанность» и «самостийность», уездные власти начали, рассказывал он, без ведома губернских органов бронировать семена и сорвали выполнение разверстки. С созданием ревкома и направлением в уезд нескольких ответственных работников местная «публика смирилась» с ограничением ее власти, но на периферии продолжали заседать съезды коммунистических ячеек, которые выражали недоверие уездному партийно-советскому руководству. По мнению же Машкина, озвученному в одном из писем в сибирский партийный орган, в Минусинске можно было ожидать «коммунистическую контрреволюцию» [39, л. 16–18, 24, 55].

Ситуация здесь по-прежнему оставалась напряженной, а ответственные работники, растерявшие свою оппозиционность губернскому руководству, все более утрачивали доверие партийных низов, в основном деревенских коммунистов – бывших партизан, вооруженных и организованных в отряды, противостоявшие «бандам».

В поисках поддержки партийное руководство уезда обратилось к рядовым коммунистам Минусинска. На внеочередном их собрании, прошедшем 5 марта, оно сетовало, что местная партийная организация состоит из лиц, беспрекословно подчинявшихся центру, и партийцев, напротив, не считавшихся с его распоряжениями. Собравшимся коммунистам было сообщено

об организованной без ведома партийно-советских работников и начавшей работу под лозунгом «Бей белых гадов, бей буржуазных коммунистов» партизанской конференции, которая привлекла внимание множества их товарищей, тем самым якобы «оголив фронт борьбы с бандитизмом» и сорвав перевыборы советов. Критикуя уездный комитет РКП(б) за слабое внимание к ячейкам и попустительское отношение к амнистированным, собрание одобрило его деятельность и сочло какие-то секретные и самочинные действия отдельных членов партии недопустимыми и даже контрреволюционными, а всякое нарушение партийной дисциплины – ударом для советской власти и срывом трудовых заданий.

Свой «нелегальный съезд» бывшие партизаны, используя нахождение во власти Сургуладзе, предполагали провести в Минусинске 15 марта. Но уездный исполком разрешил им собраться только в с. Сагайском. Возмущенные поведением «закомиссарившихся бюрократов», его участники избрали революционный штаб и решили провести в Минусинске «чистку» партийно-советских учреждений.

Вызванное этим событием экстренное заседание Минусинского исполкома, состоявшееся 7 марта, констатировало, что волнения в уезде происходят не только из-за имевшихся «банд», но и отношения к органам власти со стороны бывших участников партизанского движения. Выступавший на нем Лебедев, недавно противившийся созданию ревкома, призвал участников подвергнуть «сепаратистов» суду.

Вновь засвидетельствовав недоброжелательное отношение большинства коммунистических ячеек в уезде к партийно-советскому руководству, состоявшиеся 14 и 15 марта пленумы уездного комитета РКП(б) решили с целью не допустить «чистки» учреждений партизанами уволить некоторых служащих, но впредь организацию обособленных съездов не разрешать.

Наконец, их участники попытались разобраться с Сургуладзе. Началось с того, что раскаявшийся соучастник съезда бывших партизан Ковальчик уличил его в сокрытии от уездного партийного руковод-

ства такого факта как создание ими революционного штаба. На состоявшейся 21–26 марта 1921 г. уездной партийной конференции Сургуладзе оправдывался, заявляя о том, что собрание партизан, проходившее без ведома минусинских органов, не являлось их выступлением против РКП(б). Но на этот раз его и Ковальчика коммунисты уже обвиняли в умолчании цели созыва партизанского съезда – организации «чистки города от контрреволюционных элементов».

Даже в той сложной политической ситуации, переживаемой Минусинским уездом, находились лица, вступавшие в РКП(б). Отчитываясь о проделанной работе, руководитель местных коммунистов Серебренников сообщил, что с 25 декабря 1920 г. по 20 марта 1921 г. в уезде были созданы 24 волостных партийных комитета и 86 новых коммунистических ячеек. Сеть их расширилась соответственно до 25 и 184 единиц. Был введен единый партийный билет.

Одобрив деятельность уездного комитета РКП(б), участники конференции возложили на него задачу пересмотра состава партийных организаций и осуществления борьбы с разгильдяйством, неподчинением и выступлениями некоторых товарищей, прибегая к исключению виновных из своих рядов и наказанию их в судебном порядке. Волостным партийным комитетам было указано усилить связи между ячейками и не допускать мобилизацию коммунистов со стороны должностных лиц и членов партии без ведома уездного руководства.

Конференция избрала новый состав уездного комитета партии, состоявший из Базаркина, Бурова, Василовского, Глухих, Гуровича, Косарева, Ламкина, Непомнящего, Попова, Прохорова, Пурецкого, Тюрина, Чернова и Усова. В этом составе Сургуладзе, как и другой выходец из партизанской среды и в недалеком прошлом начальник уездной милиции и заведующий политбюро Проневич, своего места уже не нашли [36, л. 36–55; 58, л. 195].

Переведенный вновь на продовольственную работу Сургуладзе, выполняя постановление президиума губернского комитета РКП(б), вынесенное еще 4 февраля

1921 г., вскоре покинул Минусинск [34, л. 4; 62, л. 47].

Но на этом бывшие партизаны не успокоились, живучими оказались и «партизанские» настроения среди местных коммунистов. Согласно письменному сообщению от 18 августа 1921 г. в Москву Полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского, а затем материалам его отчета, в Минусинске имело место партизанское собрание, которое постановило уничтожить 50 «гадов», в т. ч. ответственных работников, и захватить власть [50, л. 39; 79, с. 69].

На той же партийной конференции вновь обсуждался и продовольственный вопрос. По мнению уполномоченного Русалева, слабое поступление хлеба было обусловлено несогласованностью действий продовольственных органов, отсутствием налаженных отношений аппаратчиков, несознательностью крестьян и безответственным отношением продовольственных агентов. «Эту разверстку, – заявил он, – необходимо выполнить полностью, хотя бы пришлось перевести всех на голодный паек». В планах губернского руководства Минусинскому уезду снова отводилась роль главного продовольственного поставщика: к маю 1921 г. местные крестьяне должны были сдать государству 625–650 тыс. пудов хлеба, или более 60% от всего объема заготовок, возложенного на губернию [36, л. 52].

Даже по мнению губернского партийного руководителя, взять этот хлеб у крестьян было возможно только при условии посылки в деревню семи рот войск внутренней службы, дислоцированных в Минусинске. Местные руководители, находившиеся ближе к деревне, опасались осложнения ситуации еще больше. Проинформированные силовыми ведомствами о начавшемся «брожении» и возможности крестьянского восстания в Новоселовской, Григорьевской, Салбинской, Абаканской, Каратузской, Бейской и Кочергинской волостях, участники заседания уездных ревкома, партийного комитета и ответственных работников уезда, состоявшегося 31 марта, запросили Красноярск о присылке воинской силы [39, л. 30; 64, л. 12].

Обманув крестьян обещанием вернуть семенной хлеб к весеннему севу, районный продовольственный комитет изъял его из деревни. С этой целью в селения были введены войска, открывшие, например, в Шалаболинской волости стрельбу в воздух [55, л. 34].

Состоявшийся 3–5 апреля 1921 г. II Минусинский уездный съезд Советов подвел итоги продовольственной работы. За время изъятия разверстки в Минусинске сменились семеро руководителей районного продовольственного комитета, а выполнение ее по хлебу составило лишь 49%. Съезд обсудил резолюцию X съезда РКП(б) от 15 марта 1921 г. «О замене разверстки натуральным налогом». Он признал работу уездного исполкома удовлетворительной, но в то же время показал, что борьба между «назначенцами» и «сепаратистами», ответственными работниками и рядовыми сторонниками советской власти еще не завершилась. Коммунисты, составлявшие 35% всех участников съезда, с трудом провели свою резолюцию. При избрании уездного исполкома, наряду со списком кандидатов от их фракции, в президиум съезда был подан и другой список. Но оппозиционеры оказались не в силах провести своих кандидатов: за первый список проголосовал 151 участник съезда, против него – 16, а 18 человек воздержались.

Съезд избрал уездный исполком в составе 20 членов и 10 кандидатов. Из прежнего состава в него вошли только три человека, в частности, председателем вновь стал Б.М. Гурович. В советское руководство были избраны и четверо бывших партизан, двое из которых являлись проверенными лицами [34, л. 35; 55, л. 34, 39; 57, л. 24].

Однако переход к НЭПу еще более усилил недовольство сельских коммунистов, милиционеров, беспартийной бедноты, живущих за счет распределения изъятого у крестьян продовольствия, а в новых условиях обвинявших свое руководство в «предательстве» коммунистических идеалов. В Минусинской уездной парторганизации, как отметило общее собрание коммунистов 7 апреля 1921 г., по-прежнему нарушался принцип централизма и не выполнялись распоряжения уездного комите-

та партии. В то же время местное партийное руководство порой игнорировало циркуляры губернского комитета РКП(б), в уезде создавались партизанские отряды, а на общих собраниях звучала агитация, направленная против «спецов» [11, л. 19; 26, л. 20; 31, л. 15; 33, л. 7; 34, л. 35; 36, л. 5].

Чекисты в этой обстановке без особого труда обнаруживали новых политических «врагов», которые якобы вели подрывную работу против советской власти. Начиная с апреля и кончая июнем в с. Усинском, Каратузе, а затем и в Минусинске выявлялись лица, заподозренные в «контрреволюционности». Вскоре была «раскрыта» «эсеровская» или «белогвардейская» организация, во главе которой находился командный состав коммунистического полка. Проникнув в пограничную охрану, «заговорщики» якобы стремились организовать переход границы с целью засылки агентов в Урянхай, которые бы осложняли положение советских представителей в Монголии. Аресту подверглись до 40 «заговорщиков». Но во время конвоирования с периферии в Минусинск 20 человек из них оказались застреленными «неизвестными» лицами [50, л. 4; 79, с. 65].

Случалось, неоправданным и даже преступным являлось вмешательство местных советских органов и коммунистов в деятельность районного продовольственного отдела. Так, по его сообщению, президиум уездного исполкома 7 мая указал сотрудникам политбюро расследовать и передать для судебного наказания служащих Каратузского сельсовета и Сагайского волисполкома, которые, вопреки инструкции Сибревкома, занялись конфискацией у продовольственных работников «предметов употребления». В то же время исполком передал заявление девяти жителей д. Екатеринбургской волости о конфискации у них местными коммунистами не только семенного хлеба, но и имущества и даже земли для расследования чекистам. Однако управленцы распорядились процесс изъятия, если он начался на основании «диктатуры продразверстки», не останавливать [56, л. 193].

С привлечением к этому делу сотрудников политбюро ситуация в той же Никольской волости на 6 июня трансформировалась в раскрытый ими «заговор» кулаков, во главе которого оказался агент райпродкома П. Чайка. После того как были арестованы 13 крестьян он с помощью родственников сумел бежать и, скрываясь сначала в с. Абаканском, а затем в Минусинске, якобы готовил «переворот». 24 июня Чайку и его сообщников пытались арестовать вблизи с. Белоярского, но они вновь скрылись [64, л. 81–82; 65, л. 20].

Причины волнений расследовались специальной комиссией в составе члена уездного комитета партии Базаркина, чекистов Левита и Мордвинова. 5 июля они, прибыв в д. Екатериновку, собрали крестьянский сход. Но в ходе обсуждения обстановки Мордвинов позволил себе оскорбления и угрозы по отношению к председателю сельсовета, что послужило сигналом к бегству крестьян. Комиссия переложила вину за крестьянское выступление с местных властей на продовольственных агентов, в частности, Пронина и Чайку, якобы создавших в районе «контрреволюционную организацию» и намеревавшихся уйти в «банду» [16, л. 4, 42, 83–84].

Позднее, в сентябрьском письме в адрес чекистского ведомства, партийно-советских органов губернии и уезда губернского продовольственного комиссара Неворотова, этот случай получил совсем другое объяснение. Назвав коммуниста, старшего продовольственного инспектора Чайку и заведующего Абаканской заготконторы Столбова своими «лучшими» работниками, он рассказал об испытываемых ими придирах и даже «мести» со стороны местных властей. Во время усилившихся заготовок Чайка дважды подвергался без объяснения мотивов временному аресту. Сообщив о том, что Абаканский волостной комитет РКП(б) и милиция производят обыски у служащих ссыпных пунктов, отбирая положенные им запасы продуктов, и ревизии состояния заготконтор, пристаней и складов, что подрывает их деятельность, комиссар просил прекратить это самоуправство [66, л. 281].

Минусинские коммунисты враждебно восприняли объявление о предстоящей чистке своих рядов. Назначенные и приехавшие из Красноярска члены специальной партийной комиссии даже не были зачислены на довольствие и не получали положенный паек. К июню 1921 г. в уезде в результате чистки осталось лишь 50 членов РКП(б), а удельный вес назначенцев среди ответственных работников повысился до 50% [26, л. 20; 33, л. 7; 41, л. 81].

Однако и эта мера не сделала власти Минусинского уезда более сговорчивыми в отношениях с красноярской номенклатурой. На IV губернской партийной конференции (июнь 1921 г.) представители его коммунистов отрицательно отнеслись к выдвинутому Сиббюро ЦК РКП(б) кандидатурам новых руководителей губернской партийной организации. Отстаивая курс X съезда партии на усиление внутрипартийной демократии, делегат Саусверд, например, говорил о том, что партийная работа ведется людьми, оказавшимися в Сибири случайно и незнакомыми с нуждами населения, а для исправления положения требовал перегруппировать силы и освежить бюрократическую верхушку. Участники конференции поддержали предложенную секретарем Минусинского уездного комитета партии Непомнящим резолюцию, которая неудовлетворительно оценивала работу губернского руководства. Лишь при вмешательстве секретаря Сиббюро В.Н. Яковлевой был принят документ, признававший «политическую линию» в деятельности губернского органа правильной, а саму ее – «не вполне удовлетворительной». Но руководителем губернской партийной организации все же был избран выдвиженец Сиббюро Машкин [13, л. 4; 68, с. 28–29].

Создавшаяся обстановка в Минусинском уезде способствовала новым проявлениям красного бандитизма, жертвами которого чаще всего становились священнослужители, кулаки, инородцы и лица умственного труда. Так, согласно чекистской отчетности, в июле – августе 1921 г. имели место убийства девяти агрономов земельного отдела, ранее работавших в органах белой администрации. Арестами и расстре-

лами «контрреволюционеров» занимались сотрудники политбюро, милиции, в сущности, подстрекаемые секретарем уездного комитета партии и начальником гарнизона. На 12 июля судебному рассмотрению подлежали дела 200 милиционеров. Из-за бедственного положения, непонимания ситуации, а также начавшегося осуждения властями красного бандитизма наблюдался выход из партии деревенских коммунистов. К примеру, протестуя против преследования своих товарищей, арестованных за убийство конвоируемых кулаков, целиком вышли из партии три коммунистические ячейки [11, л. 19; 79, с. 68–69].

«Кризис сознания» обусловил разложение коммунистов и на бытовом уровне. С переездом в Минусинск 3-го отделения особого отдела 5-й армии создался ряд конфликтов, вылившихся в аресты как местных, так и приезжих работников. В пьяном виде были задержаны лица военного командного состава, в частности, комбриг Овчинников. 15 июня президиум губернского комитета РКП(б) поручил председателю губернской чека Лепсису срочно расследовать случаи поголовного пьянства коммунистов в партийных и советских учреждениях Минусинского уезда. Состоявшееся 12 июля закрытое заседание президиума губкома, заслушав его сообщение, решило участников попойек «для принятия мер» передать в губернскую чека [34, л. 38; 67, с. 101].

Получив информацию о «хаосе и неразберихе», царивших в Минусинске, президиум губернского органа предложил уездному комитету РКП(б) все вопросы борьбы с «бандитизмом» решать совместно с военным комендантом и председателем уездного исполкома в партийном и чекистском органах. Он утвердил постановление уездного комитета об исключении из партии девяти оппозиционеров, передаче в суд дела бывшего секретаря Серебренникова, замешанного в убийствах, и привлечении к партийной ответственности десяти коммунистов. 19 июля уездное партийное руководство исключило из своих рядов еще четверых человек, в т. ч. Сургуладзе и Окушко, которые к этому времени уже от-

существовали в Минусинске [12, л. 19; 16, л. 97].

В то же время, убедившись в неспособности минусинского руководства самостоятельно ликвидировать наблюдаемые среди коммунистов «разгильдяйство и распушенность», губернский комитет РКП(б) 14 июля пришел к выводу о его полной замене. Этот вопрос решался на уровне Сиббюро ЦК партии. 21 июля 1921 г. на его заседании обсудили положение в Минусинске, констатировали факты распространения среди ответственных работников пьянства, разложения ячеек, частые выходы из партии, наличие слабых управленцев и, напротив, отсутствие деятельности уездного комитета по проведению в жизнь решений X съезда, а также циркуляров своего непосредственного руководства. Областной орган постановил сменить в Минусинске ответственного секретаря уездного партийного комитета, председателя исполкома и других ответственных лиц. 25 июля президиум губернского исполкома постановил за ненадобностью в этих условиях распустить существующий в уезде ревком, а 2 августа партийное руководство губернии направило туда для усиления советской работы двоих коммунистов [14, л. 90; 45, л. 6; 46, л. 23; 47, л. 61].

Но быстрого улучшения ситуации в Минусинском уезде не наблюдалось. Запланированные к сентябрю заготовки хлеба в объеме 150 тыс. пудов вследствие того, что крестьяне еще не начали его уборку, оказались нереальными. Объясняя губернским властям причины срыва задания, заместитель продовольственного комиссара обвинил в нем местное руководство, якобы так и не понявшее суть этой работы и в основном бездействующее. По его мнению, хлебозаготовки здесь были возможны лишь при полной замене партийного, советского и продовольственного руководителей. Продолжались и проявления красного бандитизма. Так, только за август в Минусинске были убиты семеро специалистов земельного отдела, а с 15 по 25 октября, видимо, с помощью бывших партизан «исчезли» 13 служащих и крестьян.

Но на этот раз президиум губернского комитета партии, заседавший 28 октября,

ограничился упразднением института уездных уполномоченных и снятием с должности продовольственного комиссара, а уездным партийному и советскому органам указал не вмешиваться в техническую работу продовольственного комитета и создать тройку по руководству заготовками [15, л. 60–64; 35, л. 97; 36, л. 231; 79, с. 69].

Наконец, губернское партийное руководство обратило внимание на поведение заведующего Минусинским Домом лишения свободы Ковальчика, который уже давно обвинялся в самочинных расстрелах и жестоком обращении с заключенными. Но пока губернский отдел юстиции выносил постановления об его аресте, на защиту Ковальчика, уже отстраненного от партийно-советской работы и подавшего заявление о своем выходе из партии, поднялись минусинские коммунисты и красноармейцы 2-го Енисейского коммунистического полка. 10 сентября уездное партийное руководство, информируя губернский комитет РКП(б) о политических последствиях данного преследования, просил потребовать от губернского ревтрибунала прекратить следствие по делу человека, которого минусинские коммунисты считали «честным, энергичным и дисциплинированным товарищем».

Заседавшая 21 октября 1921 г. контрольная комиссия при губернском комитете РКП(б) под председательством В.С. Гоштовта признала Ковальчика виновным в предъявленном ему обвинении, но, учитывая, что должностные преступления совершались им в обстановке военного времени, а также его прежние заслуги перед советской властью, объявила этому человеку строгий выговор с занесением в партийный билет. Однако Гоштовт, занявший в этом вопросе принципиальную позицию, видимо, настоял на том, что комиссия, вернувшись 30 ноября к рассмотрению дела Ковальчика, все же исключила его из партии [16, л. 114–153; 23, л. 148–278].

В целом за февраль – ноябрь 1921 г. в Минусинске сменились пятеро ответственных секретарей уездного комитета РКП(б) (М.И. Серебренников Н.П. Непомнящий, Б.М. Гурович, В.Я. Жданов и К.И. Гидлевский), а с сентября 1920 г. – четверо пред-

седателей уездного исполкома (А.И. Кашников, Б.М. Гурович, В.Я. Жданов и В.А. Алексеев). За 10 месяцев 1921 г. на трех должностях членов президиума комитета партии успели поработать 12 человек.

Рис. 5. К.И. Гидлевский. Фото из фондов Минусинского музея

Постоянно менялись составы членов и кандидатов в члены этого партийного органа.

12 ноября 1921 г. в Минусинске состоялась уездная конференция РКП(б), ставшая еще одним звеном централизации партийного руководства. Наблюдавший за ее работой Кашников 28 ноября на президиуме губернского комитета докладывал, что наиболее острый вопрос в повестке дня – о красном бандитизме – не вызвал среди местных коммунистов споров, упорствовали они лишь по поводу отзыва из Минусинска Непомнящего и Гуровича. Конференция создала президиум партийного органа, целиком состоявший из посланцев губернской номенклатуры.

Формально избранное партийное руководство уезда состояло из членов президиума – ответственного секретаря К.И. Гидлевского, В.А. Алексеева, Л.М. Лукина, членов комитета – И.И. Накладова (26 лет, из крестьян, член РКП(б) с 1920 г., в прошлом служил комендантом уездной чека), Ц.А. Гоникман (24 года, член РКП(б) с 1920 г., имела среднее образование, работала учительницей, машинисткой и секретарем Ачинского уездного комитета партии), И.Я. Лавриненко (34 года, член РКП(б) с 1920 г., окончил четыре класса гимназии, работал токарем, заведующим

отделом труда уездного исполкома и председателем уездного профбюро), В.П. Усова (35 лет, член РКП(б) с 1918 г., бывший кустарь-овчинник, служил инструктором уездных органов и заведующим Домом лишения свободы) и Г.Г. Шадрин (40 лет, из крестьян, член РКП(б) с 1920 г., в прошлом находился на низовой советско-партийной работе). Кроме того, были избраны пятеро кандидатов в члены уездного партийного комитета, столько же членов и кандидатов контрольной комиссии и еще пятеро членов и кандидатов в члены ревизионной комиссии [15, л. 105; 38, л. 24, 28].

Состоявшийся следом III Минусинский уездный съезд Советов (16–20 ноября 1921 г.) подверг критике деятельность уездного исполкома, которая, по мнению собравшихся, носила «сутолочный характер», а также волостных исполкомов и сельсоветов, где, как выяснилось, работники даже не читали приказов вышестоящих органов. Участники съезда избрали новый состав уездного исполкома численностью в 20 членов и 10 кандидатов, в частности, его председателя В.А. Алексева, партийного руководителя К.И. Гидлевского, военного – И.А. Рубена, чекистского – Ф.К. Клешнина. На должность заведующего земельным отделом был выдвинут посланец Красноярска и бывший чекист Н.Х. Молчанов, народного образования – член Минусинского совдепа 1917–1918 гг. Е.Н. Катаев, административного отдела – И.В. Александров [36, л. 231, 234].

Политическая ситуация являлась, видимо, настолько сложной, что, разрешая ее вопросы, не выдерживали даже чекисты. В составе Минусинского политбюро числился целый ряд сотрудников, заболевших от переутомления. Скрытая крестьянами от налогового обложения пашня составляла в Минусинском уезде 47 тыс. десятин, а в общих запашках по губернии – более пятой части.

Пришедшие во власть и не очень обремененные моральными качествами лица смогли провести в жизнь распоряжения центра и выполнить продовольственные задания. В результате ввода на постой в деревни вооруженных отрядов, деятельности сессий ревтрибунала и народного суда про-

довольственный налог в губернии на 20 февраля 1922 г. был собран на 75,5%, в Минусинском уезде – на 106%. Но крестьяне здесь все же не справились с обложением выявленной скрытой пашни, а в пищу их пошла лебеда. На почве недоедания в губернии имели место 60 случаев со смертельным исходом. Полностью налог был собран лишь к середине марта 1922 г. [37, л. 8, 21–37].

Борьба за власть в Минусинском уезде между руководителями местного происхождения и губернскими «назначенцами» начала приобретать примиренческий характер. На V губернской партийной конференции (26 февраля – 3 марта 1922 г.) произошло ставшее возможным лишь в условиях НЭПа откровенное выявление противоречий во взглядах на обстановку уездного и губернского руководства. Так, например, минусинский деятель Непомнящий говорил, что «наша система управления партиорганизацией была не партийной», а командной и не учитывающей «огромность крестьянского состава» коммунистических ячеек. «Военный метод работы – вот причина всех зол» и, в частности, бандитизма, констатировал он. По его мнению, губернский комитет партии должен был учитывать местный опыт работы, а «партизанское движение» использовать в качестве «пугала» для «обюрократившихся» советских служащих. Критикуя «плановые» переброски «недостаточно ответственных работников», осуществляемые из Минусинска, Могилевский заявил, что губернский комитет должен отказаться от практики назначений и военных методов управления. Средством «удаления инакомыслящих» назвал эти переброски еще один выступавший минусинский коммунист. Итогом такой деятельности партийного руководства губернии стала, заявил Гидлевский, утрата Минусинской уездной партийной организацией, насчитывавшей 2,5 тыс. коммунистов, к нему доверия.

Оправдываясь, председатель губернского исполкома Л.Е. Гольдич объяснил проводимые переброски товарищей необходимостью улучшения продовольственной работы. Но более резкую позицию по отношению к происходившему занял ответ-

ственный секретарь губернского комитета РКП(б) А.С. Гендлин. Он заявил, что действия партийного руководства были правильными и, в свою очередь, обвинил «сытых» сельских коммунистов в привычке митинговать и действовать «партизанскими» методами, а крестьянство – в мелкобуржуазности [37, л. 9–12, 14]. Поэтому кадровые перестановки, осуществляемые губернскими властями, продолжались, коснувшись и тех лиц, которые недавно подвергали их критике.

Уже позднее, в июле 1922 г., местный партийный руководитель, информируя президиум губернского комитета РКП(б) об итогах очередной уездной партийной конференции, засвидетельствовал, что она, будучи многолюдной (122 участника с решающим голосом и 78 представителей от воинских частей), удовлетворительно оценила деятельность парткома. Участие в ее работе примирило и ободрило минусинских коммунистов, недовольных введением НЭПа, а главное, она показала благожелательное отношение их к губернскому руководству [19, л. 54].

Выступая на VI губернской партийной конференции (1–5 декабря 1922 г.) и оценивая пройденный путь, в результате которого были «ликвидированы оппозиционные настроения, склоки, сохранены деревенские ячейки», тот же Гендлин признал, что «нажим на выполнение продналога 1921–1922 г. привел парторганизацию к болезненному состоянию». Борьба между группами коммунистов не закончилась, но губернское партийное руководство, согласно наблюдениям того же Гидлевского, наконец, стало доверять уездным организациям. В резолюции конференции, наряду с признанием работы губернского комитета РКП(б) удовлетворительной, констатировалось изжитие оппозиционности к нему со стороны нижестоящих парторганов [18, л. 17; 36, л. 250; 37, л. 21–75].

Следовательно, процесс формирования партийно-советской элиты носил, согласно справедливому замечанию одного из исследователей, поступательный, но глубоко противоречивый характер. Властные полномочия концентрировались управленческими группами в постоянном и остром

взаимном противоборстве. Выступая на XII съезде РКП(б), И.В. Сталин сведения счетов в партийных комитетах и между ними определил как абсолютно типичное явление, обусловленное их стремлением «создать внутри себя спаянное ядро» [54, с. 66].

Вопреки мнению одного из историков о том, что руководство сибирской парторганизации в это время рекрутировалось из рядов так называемой «старой гвардии» [68, с. 23], в Минусинском уезде, вероятно, в силу сложности обстановки, этот процесс почти не наблюдался. Более того, началось вытеснение лиц, бывших коммунистами с революции и Гражданской войны, теми, кто пришел в РКП(б) позднее, людьми сравнительно молодыми и малообразованными.

В то же время противостояние губернских и минусинских властей, уездной номенклатуры и рядовых коммунистов – бывших партизан осуществлялось не только ради служебного повышения или обеспечения стабильности статуса определенной группы функционеров. Оно преследовало цель сосредоточения властных полномочий, посредством которых управленцы пытались решать определенные задачи. Вплоть до марта 1921 г. губернские власти по отношению к минусинским коммунистам проводили мероприятия, названные внедрением принципа централизма в руководство местными органами, подавляя их сепаратистские настроения и действия. Затем с поддержкой губернской номенклатуры уездные органы, в свою очередь, ликвидировали угрозу, исходившую со стороны бывших партизан, подорвали «партизанский дух» низовых парторганизаций.

Одним из путей формирования уездной администрации по принципу ее преданности губернским властям стало назначение. Созданию местной элиты способствовали чистки советских учреждений и партийных организаций от неугодных лиц, осуществляемые также и через ликвидацию действительных и мнимых «заговоров». Вместе с тем многие коммунисты, попав во властные структуры и, несмотря на противоречия во взаимоотношениях, как правило, редко исчезали с политической арены, они лишь,

меня положение в служебной иерархии, переводились на руководящую или иную работу в губернский или другие уездные центры.

События в Минусинском уезде начала 1920-х гг. являлись составной частью деятельности РКП(б) по формированию узкого слоя профессиональных партийно-советских работников, приводивших в движение весь механизм государственной власти. Борьба «назначенцев» и «сепарати-

стов» закончилась поражением последних и симбиозом их в структуры, лишённые нравственного начала и готовые выполнить любую задачу центра. Перераспределение власти не только не подорвало организационные устои Коммунистической партии и советов, но и способствовало их дальнейшему укреплению.

Статья поступила 10. 06. 2014.

Библиографический список

1. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Красноярск, 1993. Кн. 1. Ч. 1.
2. Воинов Н., Лебедев И. Огненные годы. Красная армия в Сибири. Новосибирск, 1927.
3. Гос. архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 6.
4. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 8.
5. ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 41.
6. ГАКК. Ф. Р.-53. Оп.1. Д. 29.
7. ГАКК. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 59.
8. ГАКК. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 157.
9. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
10. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.
11. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105.
12. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109.
13. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111.
14. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113.
15. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160.
17. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170.
18. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258.
19. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264.
20. ГАКК. Ф. 7. Оп.1. Д. 288.
21. ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 606.
22. ГАКК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 245.
23. ГАКК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 330.
24. ГАКК. Ф. 448. Оп. 2. Д. 405.
25. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 12.
26. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 123.
27. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 124.
28. ГАО. Ф. П.-1. Оп.1. Д. 125.
29. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 132.
30. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 135.
31. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 136.
32. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 176.
33. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 269.
34. ГАО. Ф. П.-1. Оп.1. Д. 271.
35. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 272.
36. ГАО. Ф. П.-1. Оп.1. Д. 291.
37. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 465.
38. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 1092.
39. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 188.
40. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 297.
41. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 482.
42. ГАО. Ф. Р.-1. Оп.1. Д. 11.
43. ГАО. Ф. Р.-1. Оп.1. Д. 14.
44. ГАО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186.
45. ГАО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 623.
46. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 3. Д. 10.
47. ГАО. Ф. П.-1. Оп. 9. Д. 8 а.
48. ГАО. Ф.Р.-4. Оп. 1. Д. 333.
49. ГАО. Ф.Р.-4. Оп. 1. Д. 237.
50. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 151.
51. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 169.
52. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-393. Оп. 23. Д. 34.
53. ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 84. Д. 8.
54. Двенадцатый съезд РКП(б) : Стеногр. отчет. М., 1968.
55. Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1.
56. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 12.
57. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 34.
58. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 37.
59. МУАГМ. Ф. 25. Оп.1. Д. 39.
60. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 95.
61. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 130.
62. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 169.
63. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 225.
64. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 237.
65. МУАГМ. Ф. 25. Оп.1. Д. 304 а.
66. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 334.
67. Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920–х годов:

- механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999.
68. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
69. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 гг. М., 1967.
70. Ростовцев С.Н. Правоохранительные органы Минусинского уезда: прокуратура, милиция и ЧК (нач. XX в.) // Мартыановские краеведческие чтения (2005–2006 гг.) : сб. докл. и сообщ. Минусинск, 2007. Вып. IV.
71. Соха и молот. 1920. 8 февраля.
72. Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (ФМРКМ). Оп. 4. Д. 177.
73. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006.
74. Шекшеев А.П. Минусинский тюремный «заговор» // Енисейской губернии – 180 лет. IV краеведческие чтения. Красноярск, 2003.
75. Шекшеев А.П. Минусинский тюремный «заговор» и нравы местных коммунистов (1920–1921 гг.) // Мартыановские краеведческие чтения (2005–2006 гг.) : сб. докл. и сообщ. Минусинск, 2007. Вып. IV.
76. Шекшеев А.П. Назначенцы и сепаратисты: борьба за власть в Минусинске (начало 1920-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. Сер.: Отеч. история.
77. Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.
78. Шишкин В.И. Москва – Сибирь: история взаимоотношений (1917–1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. Новосибирск, 1995.
79. Шишкин В. Находка в партийном архиве (И. Павлуновский. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г.) // Земля Сибирь. 1992. № 4.
80. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. Ноябрь 1919 – март 1921 г. Новосибирск, 1985.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23, тел.: 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexandr Petrovich, PhD, senior researcher, Khakasian scientific-research institute of language, literature and history, 23 Schetinkina St., Abakan, Republic Khakasia, 655017, Russia, tel.: 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru